

УДК 903.5

В.И. Молодин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА, ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ

Введение

Пазырыкская культура, носители которой обитали на территории Горного Алтая приблизительно 2,5 тыс. л.н., широко известна специалистам-археологам всего мира. Информация о ней имеется во всех справочниках и энциклопедиях, выпущенных самыми авторитетными издательствами. Благодаря особым природным условиям и специфике погребального обряда в погребальных камерах курганов, заполненных линзами мерзлоты и льда, до нас дошли уникальные, обычно не сохраняющиеся в могилах, предметы, которые отражают различные стороны социального, бытового и хозяйственного уклада пазырыкцев. Культура поражает ярко выраженным художественным колоритом – почти каждую представляющую ее вещь можно считать произведением декоративно-прикладного или пластического искусства [Грязнов, 1958; Руденко, 1961].

Культура была открыта российскими археологами профессорами М.П. Грязновым [1950] и С.И. Руденко [1953, 1960] в ходе исследования “царских”, или правильнее сказать, элитных, курганов в долинах Пазырык и Башадар в Центральной части Горного Алтая. Весомый вклад в ее изучение внесли В.Д. Кубарев [1987, 1991, 1992], Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин [1999], В.А. Могильников [1983а], Д.Г. Савинов [1974], С.С. Сорокин [1966], А.С. Суразаков [1989], Ю.С. Худяков [1995] и десятки других археологов – участников широкомасштабных раскопок пазырыкских курганов в разных районах Горного Алтая в последней трети XX столетия.

Качественно новым этапом в истории изучения пазырыкской проблематики стали исследования, осу-

ществлявшиеся специалистами Института археологии и этнографии СО РАН на плоскогорье Укок* в рамках международной программы “Пазырык” [Деревянко, Молодин, 1992; Derev'anko, Molodin, 1994]. За пять лет работ удалось не только значительно обогатить источниковую базу, дополнив ее уникальными комплексами представителей среднего слоя и рядовых членов пазырыкского общества [Молодин, 1995а, б; Molodin, 1996] из “замерзших” курганов [Полосьмак, 1994, 1996; Polosmak, 1991, 1994], но и, что особенно важно, на основе интеграции с данными естественных и точных наук выйти на новый уровень интерпретации артефактов [Полосьмак и др., 1997; Воевода и др., 1998; Молодин и др., 1998; Феномен..., 2000]. Особый интерес у научной общественности вызвали совместные исследования археологов, антропологов и генетиков, благодаря которым получены принципиально новые данные для решения широкого спектра сложнейших проблем, связанных с этнической тематикой [Молодин и др., 1999].

Кем была оставлена и из каких компонентов сложилась эта культура, кто были ее носители, наконец, какова их дальнейшая судьба? Эти вопросы волновали и продолжают волновать ученых. Однако дать исчерпывающий ответ на них пока невозможно. В настоящей статье я, основываясь на материалах палеогенетического анализа и изучения мягких тканей пазырыкских мумий из укокских комплексов [Молодин и др., 1998], попытаюсь сформулировать свою точку зрения на проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб носителей культуры.

* См. статью Н.В. Полосьмак, В.И. Молодина в этом номере журнала.

Отмечу, что выявленные митотипы сравнивались с вариантами мтДНК представителей современного населения Евразии. Проведенное сопоставление пока не позволяет дать развернутую интерпретацию всех аспектов расогенеза пазырыкцев главным образом из-за ограниченности молекулярно-генетических данных по большинству современных популяций Северной, Средней и Центральной Азии. Однако некоторые гипотезы, в частности, о палеосибирской монголоидной компоненте, уже получили убедительное подтверждение. Данные о последовательностях контрольного района мтДНК современных самодийцев севера Западной Сибири показали, что в генофонде северных селькупов и кетов имеются высокопредставительные группы митотипов, структурно сходные со всеми тремя пазырыкскими митотипами. Таким образом, митохондриальный генофонд самодийцев по структуре наиболее близок к обнаруженному набору вариантов мтДНК пазырыкцев* [Молодин и др., 1999].

Результаты исследования

Данные, полученные генетиками, позволяют на качественно новом уровне оценить сформулированную еще в XVIII в. гипотезу академика И.Э. Фишера. Это очень важно, поскольку концепция И.Э. Фишера о южной прародине самодийцев имела не только сторонников среди русских и советских ученых, но и оппонентов, начиная со Ф.И. Страленберга [Strahlenberg, 1730; Смирнов, 1957; Окладников, 1957; Дульзон, 1960; Калинина, 1962; Косарев, 1964, 1966]. Напомню читателю суть проблемы.

Первым, кто обратил внимание на родство языков камасинцев, обитавших на юге Сибири, и самодийских народов Севера, был, видимо, Д.Г. Мессершмидт [Васильев, 1974, с. 133]**. Основываясь на наблюдениях Д.Г. Мессершмидта, а также материалах второй Камчатской экспедиции Академии наук (1733 – 1743 гг.), И.Э. Фишер пришел к выводу, что “Томские Остяки и Камаша жили прежде всего вместе и составляли один токмо народ, хотя ныне далеко живут друг от друга. По всему видно, что они – остатки древних жителей в Средней Сибири, из которых часто, боясь Татар, пошли в ближайшие к северу страны. Живущих там называют самоядь” [1774, с. 84].

* См. статью М.И. Воеводы, А.Г. Ромашенко, В.В. Ситниковой, Е.О. Шульгиной, В.Ф. Кобзева в этом номере журнала.

** На то, кем первым было отмечено это сходство, существует и другая точка зрения. Крупный знаток научного творчества академика Г.Ф. Миллера А.Х. Элерт пишет: “Впервые на строго научной основе Миллер установил родственные связи между целым рядом народов... наличие широкой языковой общности, включающей самоедов, нарымских и томских остяков, камашинцев и др.” [1999, с. 69].

Концепция И.Э. Фишера получила дальнейшее развитие в трудах М.А. Кастрена [Castren, 1855, 1856], считавшего, что самодийцы сформировались на территории Южной Сибири (Саянское нагорье), откуда и переселились на север Западно-Сибирской равнины. Прародиной самодийцев он называл также Алтай. “Что самоеды вышли с Алтая – это не подлежит никакому сомнению, – писал М.А. Кастрен, – потому что так много ветвей этого племени открыто и частью откроется еще близ этого горного хребта” [1999, с. 52 – 53]. И далее: “Я проследил это племя (самодийцев. – В.М.) на всем его протяжении – от Алтая на юге до ледовитого моря на севере и от Енисея на востоке до Белого моря на западе” [Там же, с. 314]. Наконец, полноправным соавтором концепции И.Э. Фишера, точнее сказать ее филологического обоснования, следует считать лингвиста Г.Н. Прокофьева, который установил, что в сложении северных народностей приняли участие южносибирские этносы, а также автохтонное население Севера, обитавшее там до появления самодийцев [1940, с. 65 – 76].

Концепция Фишера – Кастрена подтверждается данными этнонимии [Васильев, 1967, 1979], топонимии [Кызласов, 1959; Дульзон, 1960; Вайнштейн, 1961], антропологии [Горощенко, 1901; Руденко, 1914; Шлугер, 1941], этнографии [Вайнштейн, 1970; Прыткова, 1970; Хомич, 1976; Васильев, 1979; Лукина, 1985], фольклорными материалами [Прокофьев, 1940; Долгих, 1961; Васильев, 1973] и историческими источниками [Васильев, 1979]. Гипотезу о сложении северных самодийцев на двукомпонентной основе и их генетическую связь с населением Южной Сибири демонстрируют также изосерологические материалы [Рычков, 1965].

Идея о южной прародине самодийцев нашла довольно много приверженцев среди археологов. Сегодня имеется немало достаточно дискуссионных построений, согласно которым археологическая культура, несмотря на ее глубокую древность, связывается с конкретным этносом. Приведу лишь некоторые примеры. Так, акад. А.П. Окладников считал самодийскими обнаруженные в окрестностях Красноярска неолитические памятники с керамикой, украшенной отпечатками гребенчатого штампа [1957]. М.Ф. Косарев считает самодийским зауральский массив культур эпохи позднего неолита [1964]. С самодийцами он склонен связывать еловскую культуру эпохи бронзы [1966], а также молчановскую культуру переходного от бронзы к железу времени [1972]. Л.П. Хлобыстин считал самодийской самусьскую культуру [1969]. Это перечисление можно продолжить. Если же говорить об археологических культурах Западной и Южной Сибири скифского и гунно-сарматского времени, то многие из них исследователи считают самодийскими.

К сожалению, большинство этнических построений (упомянутых выше, а также многих других), касающихся не только самодийского, но и иных этносов, страдают одним общим недостатком – крайне слабой системой доказательств. Мне уже приходилось писать, что это в общем-то не вина исследователей, а их беда, поскольку в силу объективных обстоятельств они лишены возможности оперировать всем комплексом надежной аргументации [Молодин, 1995в]. Как справедливо считал акад. Г.Ф. Миллер, в решении этногенетических проблем основным аргументом может быть только язык. “Характеристическое различие народов, – писал он, – состоит не в правах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии: ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности. Язык указывает нам происхождение народов” (цит. по: [Белковец, 1988, с. 111]). О том, что именно язык является главным показателем и символом этнической принадлежности, говорят и ведущие отечественные ученые (см., напр. [Бромлей, 1973; Арутюнов, 1986]). Проблема этногенеза, как справедливо отмечал Б.О. Долгих, является в первую очередь проблемой историко-лингвистической, однако “знать происхождение языка – это еще не значит знать происхождение народа” [1952, с. 11]. Независимость формирования антропологических и лингвистических структур отчетливо проявляется также на уровне языков [Дрёмов, 1998, с. 265]. Надеяться на то, что ученые когда-нибудь узнают на каких языках говорили носители большинства археологических культур Сибири, не приходится, поэтому археологи вынуждены заниматься этническими реконструкциями, используя для этого археологические источники, а также материалы этнографии, антропологии и других наук или же особые методы, например, метод отождествления археологической культуры с этническими наименованиями [Арутюнов, 1989, с. 47] или ретроспективный метод реконструкции этногенеза (см., напр. [Седов, 1979, с. 39; Молодин, 1983, с. 275 – 286]).

Вот почему очень важно, что, привлекая к этногенетическому анализу данные палеогенетики, археологи получили в свое распоряжение источники, по-видимому, столь же репрезентативные по степени доказательности, как и язык (см., напр. [Handt et al., 1994]) (чего нельзя сказать о всех остальных источниках, которыми оперирует исследователь, – археологических, этнографических, и даже, как справедливо заметил С.А. Арутюнов, антропологических [1989, с. 13]). И хотя методика извлечения молекулы ДНК из костей или мягких тканей мумий еще не отработана в полной мере, дорогостояща, однако за ней несомненно будущее.

Данные генетического анализа неоспоримо свидетельствуют, что в генофонде пазырыкцев имеется самодийский компонент. Это заставляет ученых принципиально изменить подход к этногенезу и этнической истории носителей пазырыкской культуры.

О том, что самодийцы обитали на территории Горного Алтая, указывают данные разных дисциплин. Так, базируясь на лингвистических, этнографических и антропологических материалах, Л.П. Потапов пришел к выводу о том, что самодийский компонент сыграл существенную роль в этногенезе алтайцев. По материалам XVII в. под именем саяны известно население Алтая, обитавшее в верховьях р. Мрасс и окрестностях Телецкого озера [Потапов, 1957]. В составе алтайцев (алтай-кижи и теленгиты) сохранился род соки соен [Васильев, 1974]. Как полагал В.И. Васильев, «“Саян-сойот” являлся именем одного из наиболее могущественных самодийских племен, кочевавших в Саяно-Алтае», которые одними из первых оказались на пути тюрко-монголов, двигавшихся на Север [1974]. “Наличие в составе южных алтайцев сеоков Ирхит и Саян (самодийского происхождения. – М.В.), а также родов Чапты, Очы и некоторых других, чью принадлежность к самодийскому этносу также можно предполагать, несомненно указывает на участие самодийскоязычных компонентов в этногенезе южных алтайцев” [Там же, с. 145]. Тожество родовых названий шорцев и алтайцев (Чор) и северных самодийцев было отмечено и Б.О. Долгих [1962, с. 224]. На многочисленность самодийских гидронимов Горного Алтая указывал А.П. Дульзон [1960, с. 2 – 3, карта]. Память об алтайской прародине хранят и современные селькупы: “...старые люди говорят, что с Алтая пришли селькупы... и на Алтае, говорят старики, еще селькупы остались. Мне отец рассказывал вот это” [Пелих, 1981, с. 46]. Таким образом напрашивается вывод об исконном (по данным генетического анализа, с эпохи раннего железного века, т.е. с середины II тыс. до н.э.) проживании самодийцев на территории Горного Алтая.

Следует отметить, что этническая идентификация собственно пазырыкской культуры, а также сопутствующих ей образований остается проблемой дискуссионной. В настоящее время можно считать установленным, что на территории Горного Алтая в VI – III вв. до н.э. сосуществовали как минимум две культуры – пазырыкская и кара-кобинская [Суразаков, 1989]. Выявлены также смешанные пазырыкско-кара-кобинские некрополи [Владимиров, Шульга, 1984; Могильников, 1983б]. Учитывая это, можно ставить вопрос о сосуществовании в регионе двух этнических групп [Боковенко, Мошкова, Могильников 1992, с. 157]. Их взаимодействие протекало достаточно мирно – археологи фиксируют это сосуществование на длительном отрезке времени. Сегодня я не стал бы говорить

о какой бы то ни было иерархической соподчиненности пазырыкцев и кара-кобинцев, опираясь лишь на факт наличия у первых элитных захоронений, как это делают отдельные исследователи (см., напр. [Там же]). Пока доказанными можно считать сосуществование названных групп, а также попытки разграбления (или осквернения?) пазырыкских курганов именно кара-кобинцами [Полосьмак, 1996, с. 142, 144]. Элитные пазырыкские курганы, как установлено исследователями, подверглись разграблению вскоре после их сооружения [Руденко, 1960, с. 30]. То же самое зафиксировала Н.В. Полосьмак при раскопках большого кургана Кутургунтас на Укоке [Полосьмак, 1994]. Учитывая это, можно предположить, что грабителями являлись представители другого племени, возможно кара-кобинцы, или же сами пазырыкцы.

Антропологический анализ, проведенный Т.А. Чикишевой и Д.В. Поздняковым [2000], выявил у кара-кобинской популяции два базовых компонента – европеоидный, демонстрирующий близость к антропологическим вариантам протоевропеоидной расы, известный у носителей степных культур эпохи бронзы Евразии, и монголоидный, автохтонного происхождения, генетически связанный с носителями каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая. Важно подчеркнуть, что монголоидный компонент лежит в основе и пазырыкской популяции [Чикишева, 1996, 1997, 1998], показывая таким образом генетическое родство носителей названных культур. Возможно, представители рассматриваемых культурных образований принадлежали к родоплеменным или фратриальным объединениям некогда единого народа. В силу ряда исторических коллизий он (народ) уже на стадии переходного от эпохи бронзы к железному веку распался на две группы [Могильников, 1986, с. 43 – 44; Степанова 1986, с. 79 – 81], которые сосуществовали на протяжении скифского времени. Кстати, аналогичные модели деления одного народа, в частности, манси, на две родовые группы (мось и пор), были отмечены еще Н.Л. Гондатти [1886]. В.Н. Чернецов считал, что подобное деление следует понимать как фратриальное [1947, с. 160]. О фратриальном делении северных самодийских народов впервые сообщил М.А. Кастрен [1860, с. 279]. По данным Г.Д. Вербова, на две крупные фратрии подразделялись ненцы [1939, с. 47, 54]. Причем, и это чрезвычайно важно для контекста настоящего исследования, предки членов фратрии харючи представляли оленеводов-самодийцев, переселившихся на Север с юга Сибири [Долгих, 1962, с. 220]; у обдорских ненцев одну фратрию образуют южные потомки пришельцев, а другую – автохтонное население Севера [Долгих, 1964, с. 2, 7, 8]. Наше предположение созвучно заключению этнографа В.И. Васильева о том, что традиция дуального деления северных групп самодий-

цев, вероятно, является традицией, “имевшей место у пришельцев в местах их прежнего расселения” [1987, с. 139].

Сегодня этническая идентификация носителей пазырыкской культуры интерпретируется по-разному. С.И. Руденко, например, отождествлял пазырыкцев с юэчжами [1960, с. 339], К.А. Акишев включал территорию Горного Алтая периода скифского времени в зону обитания саков-тиграхауда [1978, с. 5]. Однако такие определения этнической принадлежности культуры вряд ли способны нас удовлетворить, поскольку под названием “юэчжи” составители китайских хроник понимали группы племен, проживавших к северу от их собственных территорий и говоривших на индо-иранских языках.

Палеогенетическими и антропологическими исследованиями материалов пазырыкской культуры с плоскогорья Укок (причем независимо друг от друга!) установлена еще одна линия связи ее представителей с населением территорий, лежащих к юго-западу от Горного Алтая. Так, по данным палеогенетики, пазырыкцы оказались наиболее близки (после самодийцев) к популяциям уйгуров и казахов [Молодин и др., 1999]. Т.А. Чикишева на обширном антропологическом материале с территории Горного Алтая проследила связи пазырыкцев с некоторыми этнокультурными группами саков [1997, с. 319]. Таким образом, отнесение носителей пазырыкской культуры к сакской культурной общности, как предлагал М.К. Кадырбаев [1966, с. 401], представляется правомерным. Напомню, что большинство исследователей связывает сако-массагетские племена с ираноязычными народами Евразии (см. [Бернштам, 1950; Кляшторный, 1964; Литвинский, 1968; Заднепровский, 1992; и др.]).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в основе пазырыкской культуры лежат два компонента – местный самодийский и пришлый иранский. Синтез этих образований, произошедший, по-видимому, в эпоху поздней бронзы, породил культуру раннескифского времени. Авторы одного из разделов книги “Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время” справедливо отмечают, что на территории Горного Алтая к VIII – VI вв. до н.э. относятся две группы погребальных памятников – усть-куюмская [Степанова, 1986, с. 79 – 81] в северной и центральной частях с захоронениями в каменных ящиках под каменно-земляными курганами и коюсинская в южной и центральной частях с захоронениями в грунтовых ямах под каменными кольцами или невысокими каменно-земляными курганами с кольцевидной крепидой [Могильников, 1986, с. 43 – 44, рис. 9]. Первые генетически предшествовали кара-кобинской культуре, а вторые – пазырыкской [Боковенко, Мошкова, Могильников 1992, с. 157].

И кара-кобинская, и пазырыкская культуры, видимо, имели общий корень, уходящий в каракольскую культуру эпохи поздней бронзы [Чикишева, Поздняков, 2000]. Носители последней хоронили в каменных ящиках, стенки которых были украшены гравировкой, выбивкой и даже полихромной живописью [Погожева, Кадиков, 1979; Кубарев, 1988]. Каменные ящики – особенность погребальной обрядности – фиксируются в памятниках кара-кобинской и изредка пазырыкской культур. Вероятно, на позднем этапе бытования каракольской культуры какая-то часть ее представителей вступила во взаимодействие с пришлым населением, оставившим на территории Горного Алтая такие памятники, как Бертек-56 [Молодин, 1993, с. 17 – 20]. Пришельцы были носителями бегазы-дандыбаевской или генетически близкой к ней культуры. В силу каких-то обстоятельств бегазы-дандыбаевцы мигрировали из Центрального Казахстана на территорию Западно-Сибирской равнины [Молодин, 1981; Удодов, 1994; Молодин, Нескоров, 1990], а также на юг, в Синцзян [Чжунго..., 1996, рис. 15 – 18; Молодин, 1998], где, смешиваясь с аборигенным населением, образовали синкретичные культурные сообщества. В этой связи уместно вспомнить весьма плодотворную гипотезу Л.Р. Кызласова о бегазы-дандыбаевской культурной подоснове ряда раннесакских культур Средней Азии [1977, с. 71 – 77]. Если же полагать, что бегазы-дандыбаевская культура по происхождению была местная, центральноказахстанская, а не “пришлая”, как считает Л.Р. Кызласов, и ее основой являлась автохтонная андроновская культура, что, по моему мнению, которое согласуется, кстати, с точкой зрения многих археологов (см., напр. [Маргулан, 1979; Итина, 1992]), очевидно, то андроновский (он же иранский) компонент следует считать второй составляющей в генезисе пазырыкской культуры. Автохтонный, каракольский, пласт, таким образом, был, по-видимому, самодийским.

В пользу правомерности предлагаемой реконструкции свидетельствуют данные по окуневской культуре, весьма близкой каракольской [Кубарев, 1986]. Окуневскую культуру Э.Б. Вадецкая связала с самодийскими этносом, исходя из того, что в окуневских захоронениях были обнаружены кости журавля [1983, с. 21]. Идея Э.Б. Вадецкой находит подтверждение в материалах этнонимии, согласно которым в Южной Сибири (в том числе на Алтае) был мощный самодийский этнический массив с единым тотемическим названием Кара – журавлиные люди [Васильев, 1979, с. 30 – 31; и др.]. Его представители перенесли этот этноним на север Сибири [Там же, с. 30]. Антропологические исследования, проведенные Т.А. Чикишевой, демонстрируют не только близость носителей окуневской и каракольской культур [2000, с. 143 – 144], но и наличие каракольского компонента у пазырыкской и

кара-кобинской популяций [Чикишева, Поздняков, 2000], что является еще одним аргументом в пользу предлагаемых этнокультурных построений.

Для того, чтобы понять причины миграции больших групп населения на огромных пространствах Сибири, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на проблемах, связанных с этнической историей обитателей территорий, примыкающих к Алтаю. К северу от Горного Алтая, на степных и лесостепных пространствах Приобья, в эпоху раннего железа жили носители большереченской культуры*, весьма близкой по облику к пазырыкской, особенно на последнем, березовском, этапе. По справедливому замечанию М.П. Грязнова, племена, населявшие Горный Алтай и Приобье, были тесно связаны между собой и находились в постоянном взаимодействии [1992, с. 162]. Подобие отдельных предметов, порой доходящее до тождества, близость керамических традиций (см. [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 86 – 103]) могут указывать не только на сходство культур, но и этническое родство их носителей. Наличие самодийских этнических элементов в большереченской культуре отмечал В.А. Могильников [1970, с. 190]. Не исключено, что самодийский компонент присутствовал у популяции кижировцев (носители культуры, близкой к большереченской), расселявшихся в предтаежной зоне Приобья [Троицкая, 1978, с. 45 – 55]. Таким образом, вполне логично предполагать, что к северу от ареала пазырыкской культуры вплоть до таежной зоны обитало этнически близкое, если не родственное пазырыкцам население.

Похожая картина наблюдается к югу и востоку от Российского Горного Алтая. Бытование здесь самостоятельных, но сходных по облику археологических культур – улангомской в Монголии [Новгородова, 1980] и саглынской в Тыве [Грач, 1980], также, на мой взгляд, позволяет допустить наличие среди их носителей самодийских групп населения. Эта близость населения обусловила очевидные параллели в материальной и духовной культурах пазырыкцев и их ближайших соседей на юге и востоке. Следует также помнить, что Саянское нагорье, как и Горный Алтай, считают прародиной самодийцев. Для иллюстрации этого тезиса позволю себе еще раз процитировать М.А. Кастрена: “...не подлежит никакому сомнению, что как самоеды, так и енисейские остяки, вышли из упомянутой (Саянской. – В.М.) горной системы” [1999, с. 245].

* В настоящее время некоторые исследователи подвергают ревизии идеи М.П. Грязнова [1956] о выделении большереченской культуры как единого образования, прошедшего в своем развитии три последовательных, генетически связанных этапа. Не вдаваясь в детали, отмечу, что оппоненты М.П. Грязнова не убедили меня в необходимости пересмотра его выводов.

Как отмечают исследователи, в частности М.П. Грязнов, наиболее тесные связи носители пазырыкской культуры традиционно поддерживали с населением территорий, расположенных западнее и юго-западнее Горного Алтая, например, Средней Азии и Ахеменидского Ирана [1992, с. 174]. Об этом неоспоримо свидетельствуют находки из пазырыкских комплексов – ковры и ткани, металлопластика, семена кориандра, деревянные изделия, выточенные на токарном станке, и т.д. (см., напр. [Руденко, 1953, с. 96; Jettmar, 1951, с. 207; Хлопин, 1980, с. 31 – 36; Полосьмак, 1997, с. 31 – 37; и др.]).

С III в. до н.э. на территорию Горного Алтая из Центральной Азии проникают племена гуннов, с которыми пазырыкцам, вероятно, какое-то непродолжительное время удавалось поддерживать достаточно мирные отношения. Аргументами в пользу этого предположения служат обнаруженные в пазырыкских погребальных комплексах предметы, воспринятые у гуннов, – крупные поясные пряжки, специфически оформленные псалии, характерные костяные наконечники стрел, элементы одежды [Кубарев, 1987; Феномен..., 2000], а также новации в погребальном обряде, зафиксированные мною при раскопках кург. № 2 памятника Верх-Кальджин II на Укоке [Молодин, Черемисин, 1996]. Со временем движение гуннов приобрело характер экспансии, и, по-видимому, на рубеже III – II вв. до н.э. пазырыкцы были вынуждены откочевывать, как считал С.И. Руденко, в Восточный Казахстан и в западносибирские степи [1960, с. 335 – 336, 341]. Логично предположить, что теснимые и, вероятно, преследуемые грозным противником, пазырыкцы (или какая-то их часть) мигрировали к своим друзьям-соседям, в определенной степени родственникам, коими являлись носители большереченской культуры. Далее они, очевидно, уже с какой-то частью большереченцев и, может быть, с кижировцами, под угрозой быть уничтоженными или ассимилированными могли двигаться только на север вдоль Оби, в таежную зону, где им не угрожала опасность с юга и где была не столь высокой плотность населения, представленного, как я считаю, уграми [Молодин, 1995в]. Угры отнеслись к пришельцам достаточно лояльно, во всяком случае последние вполне могли найти свободные ниши для обитания. Другая часть большереченцев была вынуждена переселиться в Барабинскую лесостепь. Здесь Н.В. Полосьмак выявила памятники с саргатской (местной) и большереченской (“пришлой”) керамикой [1987, с. 101].

Эта была первая волна миграции самодийского и ирано-самодийского населения на Север. О том, как далеко данная группа продвинулась в глубь территории – говорить сложно. О ее присутствии в таежной зоне Западной Сибири можно судить по данным палеогенетики, а также по вещам, принадлежавшим но-

сителям местных, таежных, культур, оружию и предметам искусства, которые были выполнены по явно южносибирским стандартам, характерным для культур скифского мира, в частности, пазырыкской [Чернецов, 1953, с. 123, рис. IX, 7, табл. X; Чиндина, 1984, рис. 31; Плетнева, 1977, рис. 22, 26 – 29; Косарев, 1991, рис. 71, 75; 73, 24]. До нас дошли и отдельные этнографические свидетельства, позволяющие, хотя и с известной долей условности, проводить параллели в одежде современных самодийцев и пазырыкцев. Например, спинка шубы-кырняжки селькупов на 10 см длиннее переда [Пелих, 1972, с. 41]. Можно предположить, что данная традиция кроя восходит к пазырыкской культуре, некоторые шубы носителей которой были с “хвостом”. Традицию распахнутой одежды у самодийцев Н.Ф. Прыткова связывает также с южносибирским комплексом [1970, с. 92 – 93]. По мнению Г.И. Пелих, южным по происхождению является такой элемент традиции в домостроительстве нарымских селькупов, как глинобитная печь для варки пищи за пределами жилища. Обычай устанавливать рядом с жилищем священный столб (функционально неоправданный) [1972, с. 110] может быть проявлением памяти о вертикально устанавливаемых балбалах, столь многочисленных у носителей пазырыкской культуры, или имитацией деревянного столба-коновязи, который и сегодня можно видеть около каждого жилища пастуха на Алтае.

Наличие в селькупской мифологии южных черт [Чернецов, 1947] в целом иранского происхождения также может объясняться миграцией на Север носителей пазырыкской культуры – одной из составляющих иранского этноса.

Сходный пазырыкскому генофонд обнаружен не только у северных самодийцев, но и у кетов [Молодин и др., 1998]. Учитывая это, можно предполагать, что пазырыкцы осели в разных местах, различными были и варианты их соприкосновения и смешения с представителями местного населения.

Вторая волна миграции могла быть связана с носителями таштыкской культуры [Кызласов, 1960, с. 189] из Минусинской котловины*, часть популяции которой, по мнению ряда авторитетных ученых, была самодийской [Могильников, 1969, 1973;

* Вполне вероятно синхронное передвижение на Север носителей тагарской и пазырыкской культур. Такое предположение можно сделать, исходя из того, что тагарские предметы находили в памятниках эпохи раннего железа в таежной зоне (Средняя Сибирь), прилегающей к Енисею (см., напр. [Привалихин, 1987; Привалихин, Дроздов, Леонтьев, 1984; Леонтьев, Дроздов, 1997]). Известно и о проникновении в Приишимье незначительных групп тагарцев [Могильников, 1964, с. 8]. Именно с их присутствием связывают европеоидный компонент популяции Средней Сибири Р.В. Николаев [1960, с. 67] и И.И. Гохман [1963, с. 112 – 113].

Алексеев, 1973]. Таштыкская культура сложилась, вероятно, на основе местного этнокультурного пласта и центральноазиатских групп тюркоязычного монголоидного населения, попавшего в Присаянье в результате продвижения гуннов на север [Вадецкая, 1992, с. 246]. Именно с представителями этой культуры, освоившими более восточные от Саян территории таежной части западносибирской тайги, следует связывать и проникновение на север Сибири оленеводства [Вайнштейн, 1961, с. 32]. Как отмечает Э.Б. Вадецкая, оленеводство было традиционным занятием части таштыкцев [1992, с. 245]. Об этом свидетельствуют скульптурные изображения явно доместифицированного северного оленя [Кызласов, 1960, с. 189; Вадецкая, 1992, табл. 100, 9]*, имеющиеся в таштыкском комплексе. К саянскому типу относится селькупское оленеводство [Василевич, Левин, 1951, с. 73]. Оно было распространено на территории Алтая-Саянского нагорья, Минусинской котловины, а также к западу от Енисея [Вайнштейн, Долгих, 1963, с. 96]. Располагая таким транспортным средством, как олень, самодийцы, носители таштыкской культуры, могли освоить значительно более обширные и труднодоступные территории, чем их предшественники.

Мигранты-самодийцы в I – II вв. н.э. передвигались по территориям, заселенным местными племенами угров и другими народами, вступали с ними в хозяйственные и культурные, а возможно, и родственные контакты [Хомич, 1966, с. 37].

Однако не все пазырыкские племена мигрировали на Север. Часть из них, как и кара-кобинцы, оставшаяся на исконной территории обитания, подверглась мощному воздействию гуннов, в результате чего на Алтае сложились новые этнокультурные образования типа булан-кобинской [Мамадаков, 1990] и кок-пашской [Васютин, Елин, 1987, с. 85 – 90] культур. Очевидно, сохранились и отдельные немногочисленные группы пазырыкцев [Савинов, 1978, с. 48 – 54; 1984, с. 11]. В этническом отношении это были смешанные тюркизированные сообщества, сумевшие, однако, сохранить местные самодийские и ирано-самодийские корни.

В VI – VII вв. н.э. на территорию Горного Алтая пришли древние тюрки, оказавшие большое влияние на формирование сибирских народностей. По мнению В.И. Васильева, появление здесь тюрков привело к тому, что одна часть самодийцев (из рода Чор) ушла на Север, другая откочевала в Саяны, а оставшиеся на Алтае постепенно утратили свой язык, традиционную культуру и составили костяк современных шорцев.

* Был ли одомашнен северный олень еще и пазырыкцами – однозначно сказать сложно, во всяком случае, известно изображение северного оленя, выгравированное на глиняном сосуде из Башадара [Руденко, 1960, рис. 42а].

Ассимиляция тюрками местного населения изменила его антропологический состав: он стал определяться сочетанием монголоидного комплекса, носителями которого, вероятно, были выходцы из Центральной Азии, с антропологическими типами, связанными с местным населением эпохи раннего железа и даже, может быть, эпохи бронзы [Алексеев, 1960, с. 98 – 111; 1974, с. 112 – 118].

Саянские представители рода Чор примерно четырьмя веками позже под давлением тюрков продвинулись в бассейны Чулыма и Верхнего Енисея. Одна группа мигрантов (родоплеменные группы Моду, Сян и Мундэй) откочевала на Север, другая группа, оставшись в Саянах, вошла в состав кашинцев, камасинцев и койбалов [Васильев, 1974, с. 156]. Это была уже не первая волна переселения самодийцев на Север, как полагал В.И. Васильев, а как минимум третья. С начала тюркизации народов Южной Сибири, по мнению исследователя, было две волны перемещения южных самодийцев. Они двигались на Север не синхронно и разными путями [Там же, с. 173]. Первая волна была вызвана давлением в IX в. н.э. тюрков из районов Алтая на самодийцев, обитавших в бассейне Томи. С этим событием исследователь связывает переселение на Север самодийскоязычных (Еуши, Чор), а также кетоязычных (Бай, Ас) родов. Новый этап усиления тюрков (XIII в.) отмечен переселением самодийских родоплеменных групп Моду, Саян, Мундэй, Могати из бассейнов Чулыма и Верхнего Енисея. Вместе с ними в это движение было вовлечено кетоязычное население из рода Ас [Там же, с. 174]. Таким образом, сегодня удается зафиксировать уже четыре самодийские волны переселения на Север. Что же касается далеких потомков самодийцев, оставшихся в Горном Алтае и почти растворившихся в тюркской среде, то от них сохранились не только гидронимы (ареал гидронима “Ча” охватывает междуречье Бии и Катунь, окрестности Телецкого озера, верховья рек Мрас-су и Чульги) [Дульзон, 1960, с. 2 – 3, карта]. По мнению ряда ведущих отечественных этнографов [Потапов, 1957, с. 114, 116; Васильев, 1974, с. 140 – 141, 145], самодийцы участвовали в этногенезе алтайцев. Учитывая это, конечно же, о носителях пазырыкской культуры можно говорить как об одних из далеких предков алтайского народа.

Выводы

Реконструкция этнических процессов, проходивших на территории Сибири, – дело в высшей степени сложное не только из-за ограниченности источников. Следует помнить, что в глубокой древности этническая карта этого огромного региона была значительно более сложной, чем ее застали первые исследователи

аборигенного населения. Многие коренные народы ко времени научного изучения исчезли в результате эпидемий или ассимиляции. Наглядным тому примером является история с аринцами, материалы о которых успел собрать акад. Г.Ф. Миллер. Среди немногих оставшихся представителей этого народа лишь один человек знал свой родной язык [Элерт, 1999, с. 78]. “Кто поверит, – писал Г.Ф. Миллер, – что народ, имеющий собственный язык, – кетские остяки – бывший, по их сообщениям, раньше очень многочисленным, сократился до 18 человек взрослых мужчин” [Сибирь..., с. 44]. Разумеется, это не значит, что этногенетические построения сегодняшнего дня будут настолько далеки от истины, что едва ли заслуживают внимания. Напротив, наука не стоит на месте, и вооружая ученого новыми методами познания, она приближает нас к пониманию истинных процессов и явлений далекого прошлого. Благодаря междисциплинарному подходу получена возможность на качественно новом уровне представить процессы этногенеза и этнической истории носителей пазырыкской культуры.

Исходя из проведенного выше анализа можно сделать следующие выводы:

1) этнокультурогенез пазырыкской культуры реконструируется с эпохи бронзы, когда на завершающей стадии существования каракольской культуры, этнически самодийской, значительная часть ее носителей вступила в тесные контакты с пришедшим с запада населением, представителями бегазы-дандыбаевской (либо близкой ей) культуры, этнически иранской. В результате некогда монолитный самодийский блок разбился как бы на две части. Одна из них – автохтонная, ее представляла сначала раннескифская (усть-куюмская) группа, а затем носители кара-кобинской культуры. Вторая – этнически иранско-самодийская, стала представлять пазырыкскую культуру. Длительное сосуществование этих культур объясняется их родственной (самодийской) этнической подосновой;

2) в конце III – начале II вв. до н.э. под ударами гуннов, двигавшихся из Центральной Азии на север, часть пазырыкцев была вынуждена покинуть исконные территории Горного Алтая и мигрировать на Север через зоны обитания родственного населения большеберченцев и кижировцев. Двигаясь, скорее всего, вдоль Оби, пазырыкцы проникли на север Западной Сибири. Здесь они (представители ирано-самодийского этноса) вступили в контакты с представителями угорских, а возможно, и других этнических образований и сформировали первые в данном регионе самодийские сообщества;

3) последующие волны миграций самодийского населения с исконных территорий связаны с тюркизацией населения Южной Сибири, которая вызвала ас-

симилиацию или “выдавливание” отдельных групп населения на Север. Именно эти процессы стали, как убедительно доказал В.И. Васильев, причинами того, что, во-первых, перемещение самодийцев с Юга на Север происходило не одновременно, а в несколько этапов [1974], во-вторых, разное соотношение пришлового (южносибирского) и местного компонентов определило антропологические, языковые, этнографические различия между отдельными самодийскими народами, в-третьих, и сами южносибирские компоненты были различными [Васильев, 1979, с. 17].

Мне остается лишь добавить, что, как показывает анализ источников, выполненных с привлечением новейших данных генетики, антропологии и археологии, процесс этот начался более чем на тысячу лет раньше, чем еще недавно представлялось исследователям. Отмеченные же закономерности этого процесса несомненно имели место и на начальной стадии переселения самодийских популяций на Север, т.е. в эпоху раннего железа.

Список литературы

- Акишев К.А.** Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- Алексеев В.П.** Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным антропологии // КСИЭ. – 1960. – Вып. 35. – С. 98 – 111.
- Алексеев В.П.** К происхождению таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 220 – 232.
- Алексеев В.П.** К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // ИЛАИ. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1974. – Вып. 5. – С. 112 – 118.
- Арутюнов С.А.** Этнические процессы и язык // Расы и народы. – 1986. – Вып. 15. – С. 30 – 56.
- Арутюнов С.А.** Народы и культуры развития и взаимодействия. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
- Белковец Л.П.** Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. – Томск: Изд-во ТГУ, 1988. – 111 с.
- Бернштам А.Н.** Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН Казахской ССР. – № 67. – Сер. археол. Вып. 2. – 1950. – С. 59 – 99.
- Боковенко Н.А., Мошкова В.Г., Могильников В.А.** Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 151 – 160.
- Бромлей Ю.В.** Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 284 с.
- Вадецкая Э.Б.** Поиски “самодийцев” на Енисее // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1983. – С. 20 – 23.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 236 – 246.
- Вайнштейн С.И.** Тувинцы-тодзинцы. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 218 с.

- Вайнштейн С.И.** Проблема происхождения оленеводства в Евразии (Саянский очаг одомашнивания оленя) // СЭ. – 1970. – № 6. – С. 3 – 14.
- Вайнштейн С.И., Долгих Б.О.** К этнической истории хакасов // СЭ. – 1963. – № 2. – С. 93 – 97.
- Василевич Г.М., Левин М.Г.** Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. – 1951. – № 1. – С. 63 – 87.
- Васильев В.И.** Южносамодийские компоненты в составе энцев // Этническая история и национальное развитие народов мира: Тез. докл. на конф. молодых науч. сотрудников и аспирантов. – М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1967. – С. 16 – 17.
- Васильев В.И.** К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. – М.: Наука, 1974. – С. 133 – 175.
- Васильев В.И.** Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М.: Наука, 1979. – 243 с.
- Васильев В.И.** Проблемы формирования фратриально-родовой организации у народов севера Западной и Средней Сибири в свете их этногенеза // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 133 – 143.
- Васютин А.С., Елин В.Н.** О хронологических границах кок-пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 85 – 90.
- Вербов Г.Д.** Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 43 – 65.
- Владимиров В.Н., Шульга П.И.** Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1984. – С. 97 – 104.
- Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Г., Полосымак Н.В., Молодин В.И., Деревянко А.П., Шумный В.К.** Молекулярно-генетический анализ ДНК представителей пазырыкской культуры Горного Алтая (IV – II вв. до н.э.) // Докл. Академии наук – 1998. – Т. 358, № 4. – С. 564 – 566.
- Гондатти Н.Л.** Следы языческих верований у маньчжур // Тр. этногр. отд. Импер. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. – 1886. – Кн. 7. – С. 37.
- Горощенко А.И.** Сойоты // Рус. антропол. журнал. – 1901. – Кн. 6, № 2. – С. 62 – 73.
- Гохман И.И.** Материалы к антропологии елогуйских кетов // КСИЭ. – 1963. – Вып. 38. – С. 100 – 113.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – С. 255.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Искусство, 1950. – 90 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен верхней Оби. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 161 с.
- Грязнов М.П.** Древнее искусство Алтая. – Л.: Искусство, 1958. – 96 с.
- Грязнов М.П.** Алтай и приалтайская степь // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 161 – 178.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Российско-японская программа “Пазырык” – первый год совместных исследований // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 227 – 229.
- Долгих Б.О.** Происхождение нганасан // Сибирский сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 11.
- Долгих Б.О.** Бытовые рассказы энцев: записи, введение и комментарии Б.О. Долгих. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 244 с. – (ТИЭ; 66).
- Долгих Б.О.** Родовая экзогамия у нганасан и энцев // Сиб. этногр. сб. IV. Нов. сер. – 1962. – Т. 78. – С. 197 – 225.
- Долгих Б.О.** Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири: Докл. на VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. – М.: Наука, 1964. – с. 10.
- Дрёмов В.А.** Соотношение антропологической и лингвистической классификаций // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 247 – 269.
- Дульзон А.П.** Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Докл. на XXV Междунар. конгр. востоковедов. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – с. 11.
- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 101 – 107.
- Итина М.А.** Ранние саки Приаралья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 31 – 47.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алмата: Наука Каз ССР, 1966. – С. 160 – 402.
- Калинина Л.И.** Хантыйские топонимы Васюганья // Учен. зап. Томск. пед. ин-та. – 1962. – Вып. 2. – С. 127 – 143.
- Кастрен М.А.** Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838 – 1844, 1845 – 1849) // Магазин земледелия и путешествий. – М.: Б.и., 1860. – Т. 6.
- Кастрен М.А.** Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2. – 351 с.
- Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 70 – 75.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 216 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964. – 16 с.
- Косарев М.Ф.** Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // СА. – 1966. – № 2. – С. 24 – 32.
- Косарев М.Ф.** Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы // СА. – 1972. – № 2. – С. 81 – 95.
- Косарев М.Ф.** Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
- Кубарев В.Д.** О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. – С. 102 – 104.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 171 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 141 с.

- Кызласов Л.Р.** К вопросу об этногенезе хакасов // Учен. зап. / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы. – Абакан, 1959. – Вып. 7. – С. 70 – 92.
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 198 с.
- Кызласов Л.Р.** Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. – 1977. – № 2. – С. 69 – 86.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И.** Памятники железного века Северного Приангарья и их культурно-хронологическая периодизация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – Т. 3: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – С. 219 – 221.
- Литвинский Б.А.** Кангуйско-сарматский фарн: К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1968. – 119 с.
- Лукина Н.В.** Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 364 с.
- Мамадаков Ю.Т.** Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1979. – 336 с.
- Могильников В.А.** Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964. – 18 с.
- Могильников В.А.** К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья // Происхождение аборигенов Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1969. – С. 179 – 181.
- Могильников В.А.** К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 172 – 190.
- Могильников В.А.** К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – Вып. 7. – С. 175 – 189.
- Могильников В.А.** Курганы Кызыл-Джар I – VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАИИЯЛ, 1983а. – С. 3 – 39.
- Могильников В.А.** Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983б. – С. 77 – 89.
- Могильников В.А.** Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАИИЯЛ, 1986. – С. 35 – 67.
- Молодин В.И.** О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1981. – Вып. 3: История и культура народов Сибири. – С. 15 – 17.
- Молодин В.И.** Ретроспективный метод и опыт его применения: К вопросу о возможности этнической интерпретации археологических памятников // Методологические и философские проблемы истории. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 275 – 286.
- Молодин В.И.** Основные итоги археологических исследований западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок летом 1992 года // Altaica. – 1993. – № 2. – С. 17 – 20.
- Молодин В.И.** Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин II // АО 1994 года. – 1995а. – С. 292 – 293.
- Молодин В.И.** Укок-1995 – новые находки и открытия // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь, 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995б. – С. 87 – 89.
- Молодин В.И.** Этногенез // История и культура хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995в. – С. 3 – 44.
- Молодин В.И.** Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. 4: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – С. 286 – 289.
- Молодин В.И., Нескоров А.В.** О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 года. – М.: Наука, 1992. – Ч. 1. – С. 244 – 246.
- Молодин В.И., Ромашенко А.Г., Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А.** Палеогенетический анализ генофонда населения Сибири // Интеграционные программы фундаментальных исследований. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – С. 306 – 318.
- Молодин В.И., Ромашенко А.Т., Воевода М.И., Чикишева Т.А.** Палеогенетический анализ населения пазырыкской культуры: Первые результаты и интерпретации // Скифы Северного Причерноморья в VII – IV вв. до н.э. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 91 – 96.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Культуры гуннского времени на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. 1: Гуннский феномен. – С. 47 – 49.
- Николаев Р.В.** Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского Севера // КСИЭ. – 1960. – Вып. 34. – С. 61 – 68.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1980. – 383 с.
- Окладников А.П.** Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. – 1957. – № 1. – С. 26 – 55.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. – 424 с.
- Пелих Г.И.** Селькупы XVII в. (Очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 175 с.
- Плетнёва Л.М.** Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 100 с.

- Погожева А.П., Кадиков Б.Х.** Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 80 – 84.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.
- Полосьмак Н.В.** Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ. – 1996. – № 4. – С. 142 – 168.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Влазов А.А., Краевская И.Л., Овсянникова И.А., Литвак Г.С., Плясова Л.М., Соловьева Л.П., Шмаков А.Н., Щербаков Ю.Г., Росляков Н.В.** Исследование вещественного состава находок из замерзших могил Горного Алтая (Ак-Алаха-3). Пазырыкская культура // РА. – 1997. – № 1. – С. 181 – 193.
- Потапов Л.П.** Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отделение, 1957. – 308 с.
- Привалихин В.И.** Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степной Евразии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 90 – 95.
- Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Леонтьев В.П.** Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве таежных племен Нижней Ангары во второй половине I тыс. до н.э. // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1984. – С. 55 – 58.
- Прокофьев Г.Н.** Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // СЭ. – 1940. – № 3. – С. 67 – 76.
- Прыткова Н.Ф.** Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. – Л.: Наука, 1970. – С. 3 – 99.
- Руденко С.И.** Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири // Зап. Академии наук по физико-математическому отделению. – 1914. – Т. 33, № 3. – С. 68 – 76.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 403 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Руденко С.И.** Искусство Алтая и Передней Азии (середины I тыс. до н.э.). – М.: Искусство, 1961. – 70 с.
- Рычков Ю.Г.** Особенности серологической дифференциации народов Сибири // Вопр. антропологии. – 1965. – Вып. 21. – С. 18 – 33.
- Савинов Д.Г.** Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // АО 1973 года. – М.: Наука, 1974. – С. 220 – 221.
- Савинов Д.Г.** О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 48 – 55.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 176 с.
- Седов В.В.** Происхождение и ранняя история славян. – М.: Наука, 1979. – 156 с.
- Сибирь XVIII века** в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с.
- Смирнов А.П.** Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // СА. – 1957. – № 3. – С. 20 – 30.
- Сорокин С.С.** Археологические работы на Южном Алтае в 1961 – 1964 гг. // Сообщения Гос. Эрмитажа. – 1966. – Вып. 27. – С. 94 – 95.
- Степанова Н.Ф.** Куломский тип памятников VIII – VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. – С. 79 – 81.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1989. – С. 214.
- Троицкая Т.Н.** О северной границе распространения большереченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 46 – 55.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 183.
- Удодов В.С.** Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 16 с.
- Феномен алтайских мумий** / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Фишер И.Э.** Сибирская история с самого открытия Сибири и до завоевания сей земли Российским оружием. – СПб.: Б.и., 1774. – 84 с.
- Хлобыстин Л.П.** О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // Материалы конф. “Этногенез народов Северной Азии”. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1969. – С. 133 – 135.
- Хлопин И.Н.** Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. – 1980. – Вып. 161. – С. 31 – 36.
- Хомич Л.В.** Ненцы: Историко-этнографические очерки. – М.; Л.: Наука, 1966. – 329 с.
- Хомич Л.В.** Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. – Л.: Наука, 1976. – 189 с.
- Худяков Ю.С.** Коллекция оружия скифского времени из могильников Салдам и Усть-Эдиган // ИЛАИ. – 1995. – № 1. – С. 87 – 101.
- Чернецов В.Н.** К истории родового строя у обских угров // СЭ. – 1947. – Вып. 6/7. – С. 159 – 183.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о происхождении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 120 – 124.
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 121 – 178. – (МИА; № 35).
- Чикишева Т.А.** К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 249 – 252.
- Чикишева Т.А.** К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультуры

турной общности // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 314 – 320.

Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 631 – 643.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 139 – 148.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 116 – 131.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – С. 254.

Шлугер С.А. Антропологическое исследование ненцев // Краткие сообщения о научных работах Института и Музея антропологии. – М.: Изд-во МГУ, 1941. – С. 42 – 46.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 169 с.

Чжунго Аэртайшань цаюань вэнь (Памятники материальной культуры степной части Китайского Алтая). – Шэньчжоу: Синьцзян мэйшу шэин, 1996. – 96 с. (на кит. яз.)

Derev'anko A., Molodin V. The Russian-japanese "Pazyryk" programme the first Yalar of joint studies // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. – Netherlands, 1994. – Vol. 1, N 3. – P. 307 – 311.

Castren M.A. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838 – 1844. – Spb.: n.p., 1853.

Castren M.A. Wörterverzeichnis aus den Samojedischen Sprachen. – Spb.: n.p., 1855.

Handt O., Richards M., Traumsdorff M. et al. Molecular genetic analysis of the Tyrolean ice man // Science. – 1994. – Vol. 264. – P. 1775 – 1778.

Jettmar K. The Altai before the Turks // The Museum of far eastern antiquity. – Stockholm. – 1951. – Bull. 23.

Molodin V. Un kongane gele d'Epoque dans le sud-ouest de L'Altai // Dossiers d'Archeologie. – 1996. – N 212. – P. 36 – 41.

Polosmak N. Un nouveau kongane à tombe gelée de l'Altai // Arts Asiatiques. – 1991. – T. 46. – P. 5 – 13.

Polosmak N. A mummy unearthed from the Pastures of Heaven // National Geographic. – 1994. – Vol. 186, N 4. – P. 80 – 103.

Strahlenberg Ph. Das Nord-und östliche Theil von Europa und Asien. – Stockholm, 1730.

Материал поступил в редколлегию 10.08.2000 г.